

ДЕТСТВО

→ ВАНИЛА СТОРИ ←

Ванила Стори

Детство

<https://litres.ru/74248462>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николас Хольм не хотел быть отцом. Он вообще ничего не хотел — только забыться в своей лаборатории и не выходить за порог. Но однажды, в майский день, он нашёл на улице девочку с белыми волосами и чёрными глазами, которые видели то, что скрыто от других. И он сделал шаг в сторону.

Моника Монти — последняя из рода предсказателей, которых правительство планеты Z стирает из истории. Её способность видеть будущее — это приговор. Его решение взять её к себе — это почти безумие. В мире, где нельзя доверять никому, Николас и Моника учатся доверять друг другу.

Что если самый главный враг — не правительство и не армия, а собственный страх привязаться?

Содержание

Начало	4
Правда	16
Праздник	41
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ванила Стори

Детство

Начало

Уже давно известно, что этот мир погряз в куще жестокости. Такие люди окружают нас повсюду и за нами остаётся лишь один выбор: остаться на стороне милосердия или прикнудить ко злу? И порой даже кажется, что из всех преступлений самое тяжкое, действительно, – бессердечие.

На планете Z в Центре всего как обычно жизнь течёт своим чередом. Люди всё время спешат куда-то, не замечая происходящего вокруг. Вечно занятые, вечно в работе. На улице стоит такая ветреная погода, что приходится укутываться в более тёплую одежду прежде чем выйти из дома. Это был май месяц, что открывал сезон подготовки к началу учебного года в знаменитом САНТ, запускал ряд общественных программ, разработанных правительством специально для народа, а в парке памяти в это время было много посетителей, ведь все стремились запечатлеть самое прекрасное время на вечность.

Недалеко от САНТ, а именно в Лаборатории при Правительстве в этот момент проходила демонстрация новых изобретений Геннадия Уолтера и Ричарда Флоу в режиме прямой

трансляции на экраны цифровых браслетов или бортовых компьютеров. Множество людей столпились около здания ЛпП в надежде увидеть одними из первых того, кто одержит победу. Ровно год назад на подобной демонстрации вопреки всем ожиданиям победу одержал Ричард, продемонстрировавший технологию телепорта в паре с Николасом Хольмом. Изобретение закрепили за авторством Николаса, но для многих их победа была неоднозначной. Геннадий буквально за неделю до визита членов жюри снял свою кандидатуру с участия в конкурсе, а позже взял себе перерыв длиной в два месяца. И что сподвигло его на это решение — история умалчивает.

В призрачной зоне, куда никто никогда не заходит, полагая, что этот район заброшен, сейчас стоит густой туман, осевший внизу. Где-то в пяти-шести милях от ЛпП в своём доме Николас Хольм в бешеном порыве бежит по квартире в поисках рубашки. Он был одним из тех, кто планировал присутствовать на демонстрации, но в очередной раз забыл поставить будильник и проспал, а сейчас пытался собраться в скором темпе. Его комната теперь выглядела несколько иначе, я бы даже сказала, довольно скудно в плане обустройства. Хольм не был любителем тащить в свой дом всякое новшество, а скорее отдавал предпочтение старой, но проверенной мебели, поэтому, побывав у него в гостях, невольно задумаешься: а не переместился ли ты в прошлое?

Вещи из шкафа сыпались на пол и разлетались по комна-

те, наводя беспорядок. Николас привык жить в такой засорённой среде, учитывая, что в гости он всё равно никого не ждал, да и ожидания людей его, как обычно, не особо волновали. Ещё в прошлом году на демонстрации Николас стоял там как участник, с длинными русыми волосами, собранными в хвост бежевой ленточкой. Сегодня же он смотрел в зеркало на торчащие в разные стороны отстриженные короткие волосы и проклинал события прошлого мая. Лишний раз перепроверив свои карманы и оглядев собственную квартиру, Николас тяжело вздохнул, неуверенно двинувшись в сторону выхода. Его выигрышное изобретение теперь использовалось всеми без исключения, а он сам возглавил рейтинги среди знаменитостей. Но вся эта популярность и чрезмерное внимание не доставляло Хольму никакого удовольствия. И даже сейчас, прежде чем использовать телепорт, чтобы оказаться около границы, Николас специально надевает капюшон плаща, скрывая собственное лицо.

Выйдя на освещённую улицу, мужчина резко жмурится от проникнувшего в глаза яркого света. До этого дня он безвылазно просиживал дома, страдая бессонницей в мучительной агонии. Отвлекло его внезапное появление мамочки с ребёнком — они стояли недалеко от Хольма и мать держала в руках корзинку с яблоками, а девочка хихикала, что-то напевая под нос. Такая картина вызвала у Николаса резкое желание отвернуться и стереть увиденное из памяти, чтобы не было так противно. Единственное что, он совершенно не

понимал, почему это казалось ему отвратительным? Однако уйти от зрелища не удалось, ведь взгляд Николаса был прикован к резкому движению в кустах. Он готов был поклясться, что это точно были глюки из-за недосыпа, но, когда чья-то рука мгновенно стащила одно яблоко из корзины, убедился в обратном. Он неуверенно подошёл к тому месту, где только что свершилась малозначительная кража и огляделся по сторонам, собираясь подойти поближе. Громкий чих раздался и прямо перед лицом Николаса появилась маленькая девочка, из-за чего тот отскочил на пару шагов. Малышка видимо тоже испугалась и поспешила снова скрыться в кустах. Придя в себя, Николай снова сделал пару неуверенных шагов вперёд.

— Не долго тебе одному быть. — сказала маленькая девочка где-то сбоку, заставив Николаса смутиться. — Тот, кого ты другом считаешь, беду навлёт. Но судьба милостива к тебе будет.

Теперь Николасу было не просто не по себе, а даже страшно. Его зрачки расширились, руки затряслись, а всё, о чём он думал до этого, испарилось из его головы. Он сглотнул и заикаясь продолжил:

— А... Где твои родители, девочка?

Она стояла перед ним: карие глаза и белоснежные неестественные волосы, казалась абсолютно беззащитной. Но что было до этого? У Николаса было одно из самых очевидных и пугающих предположений на этот счёт: он считал, что она предсказательница — одна из тех, на чьи семьи когда-то бы-

ла объявлена охота. Сейчас процент предсказателей снизился до минимума и ему даже казалось, что их давно истребили. Но эта девочка стояла перед ним живой и неврежимой, предсказывая что-то ему.

— Я не знаю... — произнесла девочка, опустив на время голову. — Мама сказала сидеть тут и не высываться, пока за мной не придут.

— Это... Очень хорошо, тогда может быть ты сейчас отойдеш от меня подальше и вернешься в свои кусты? — его взгляд пал на яблоко в её руке. — И воровство — это не очень хорошая вещь.

— Мама не было уже два дня, я голодная. — сказала малышка. — Отец пропал за пару дней до этого, и я надеялась, что мама его ищет сейчас. Может, поиски затянулись?

Вопреки всему желанию поскорее бросить ребёнка здесь, его сердце скрепилось какой-то неведомой болью — и за неё, и за эту ситуацию. Должно быть, её родители уже давно попали к правительству на переговоры, и им очень повезло, если их просто сослали в ссылку, а не истребили, как когда-то давно. Таких как они общество не жаловало, и их убийство даже засчитывалось за подвиг. Но Николас занимал самую редкую из существующих позиций на этот счёт. Он, как и Геннадий, осуждал такое отношение к их народу, но в отличие от старого друга не планировал что-то сделать с этим. Он просто не мог и считал, что всё равно ничего не исправит. Единственное, на что он способен — сочувствие. Но так или

иначе его мнение не меняло навязанные обществу устои, и Николас понимал, что если кто заметит его рядом с ребёнком предсказателей, то посчитают соучастником. А это бы испортило всё.

— Я думаю, тебе всё же стоит вернуться на своё место. Я итак из-за тебя опаздываю.

Николас развернулся и пошёл вперёд, а Моника осталась стоять на своём месте, глядя под ноги. Остановившись, Николас оглянулся на малышку и тяжело вздохнул, вернувшись к ней. Он встал прямо перед ней, аккуратно присев на корточки, чтобы девочке было удобнее с ним разговаривать.

— Тише. Без рук. — произнёс он с паузами. — Послушай меня. Как... Как тебя зовут? Ты можешь мне довериться и сказать своё имя.

— Я Моника Монти. Мне четыре полных года. — с нотками грусти сказала девочка.

— Целых четыре..? — он не особо любил маленьких детей. — Моника, а ты случайно ничего не знаешь о том, с кем разговаривала твоя мама перед тем, как уйти?

— Я видела, как её уводил злой дяденька в чёрном костюме. Она только сказала мне сидеть здесь и всё будет хорошо. — Моника подняла взгляд на мужчину. — Думаете, с ней что-то случилось?

Николас тяжело вздохнул, прежде чем подняться с колен, и произнёс:

— Придётся тебе пройти со мной. — заметив её напря-

жённый вид, он добавил: — Тебе нечего бояться, Моника. Но оставлять тебя здесь очень опасно. Мы подождём твоих родителей у меня дома, хорошо?

Девочка неуверенно закивала, проследовав за мужчиной. Нет, она всегда знала, что с незнакомцами лучше не разговаривать и тем более не следовать за ними, не зная куда. Тогда почему Моника пошла с Николасом, зная его всего пять минут? Перед тем как попрощаться с дочерью, её мать понимала, что оставляет одну, возможно, последнюю из рода предсказателей, которые не прижились на планете Z, поэтому она заглянула в её будущее напоследок. Она увидела силуэт человека, личность которого не знала, и наказала Монике оставаться на месте, пока не встретит странного мужчину в чёрном плаще. За него девочка, конечно, приняла Николаса, который в самый отчаянный момент подвернулся ей.

Мужчина подошёл к телепорту, из которого некоторое время назад вышел, и ввёл нужные координаты, чтобы вернуться домой. Моника же недоверчиво разглядывала изображение. Заметив это, Николас подтолкнул её вперёд слегка дрожащей рукой.

— А оно безопасно?

— По секрету, его создал мой один очень хороший знакомый. И как эксперт, я говорю тебе, что это вполне безопасно. — может быть, фраза Николаса подбодрила Моника, но она вдруг почти уверенно сделала свой первый шаг внутрь.

Оба оказались в довольно обветшалом районе, вид которого невольно напугал девочку. Дома поблизости, должно быть, не были заселены, да и в ремонте некоторые постройки нуждались. Это была призрачная зона. Наконец, Николас привёл гостью в свой дом, отперев перед ней дверь и впустив её внутрь. Моника, в силу собственного возраста, не была лишена любознательности, поэтому, разумеется, не смогла устоять перед тем, чтобы не забежать по квартире, как ума лишённая. Конечно, помнить всё, что Холм оставил дома перед уходом, он не мог, но, по иронии судьбы, кое-что всё таки забыл.

После прихожей с правой стороны находилась кухня, где стоял большой круглый стол, на котором врассыпную лежали несколько печатных фотографий и чемодан, который Николас поспешил закрыть перед самым носом Моники, когда увидел её, тянущуюся с интересом к фото. Он лихорадочно собрал все фотографии и убрал их в чемодан, оттолкнув девочку:

— Не трогай! — мужчина строго посмотрел на неё, после чего тяжело вздохнул и раздражённо выдохнул. — Давай установим правила, которым ты будешь следовать, пока живёшь здесь.

— Правила? — Моника немного испугалась повышенного тона Николаса, из-за чего немного сжалась. Заметив её смятение, он всё же постарался его понизить.

— Для начала, я бы посоветовал ничего не трогать в доме

без моего разрешения. Даже если тебя распирает от любопытства. Хорошо? — он задал этот вопрос, в ожидании ответного кивка, который бы значил согласие собеседницы. — Кивни, если поняла меня, Моника. — и она кивнула.

Николас облегчённо выдохнул, посмотрев себе под ноги, чтобы собраться с мыслями. Моника подергала его за лабораторный халат, который был на нём, на что Хольм невольно ухватился за её маленькую ручку. Все эти мысли, что крутились в его голове: он понимал, что с ребёнком будет трудно, именно поэтому всегда избегал общения с детьми, а сейчас это чад будет прибывать в его доме какое-то время. По крайней мере, Николас сам хотел поскорее от неё избавиться, чтобы та не мозолила ему глаза. Он был не тактильным человеком и, в основном, брезговал каждый раз, когда к нему кто-либо прикасался. А сейчас два худших кошмара объединились в один и, более того, он сам стал зачинщиком всего этого.

— И, Моника, всё же постарайся не трогать меня, ладно? — даже если девочка расстроилась, то виду не подавала.

— Я буду слишком наглой, если попрошу поесть?

И Николас, действительно, только сейчас вспомнил про эту деталь, которую он так безответственно забыл. Покормив ребёнка, мужчина провёл её в комнату напротив, где предположительно должна была жить девочка.

— Я думаю, здесь ты временно поселишься.

Комната была выполнена в серых оттенках: сбоку стоял

шкаф с книгами, сразу после — длинный диван, над которым висела полка с лампочками на ней, пара тумб под окном, а с другой стороны навалена целая гора металлолома или же неудачных попыток Николаса что-то изобрести. Моника кивнула на его заявление, проследовав вперёд. Николас прошёл за ней, чтобы попытаться найти в этом свинарнике хоть что-то похожее на одеяло. В итоге он нашёл какой-то старый голубой плед и оглянулся на Моника, чтобы уложить её спать, но заметил, что та уже провалилась в сон на диване. Мужчина неловко кашлянул и подошёл к девочке, укрыв её так, как умел, после чего вышел из комнаты, закрыв её.

Николас направился к себе в кабинет, в котором он буквально жил. В его квартире было не так много комнат: одну из них сейчас занимала маленькая девочка, но в ней Николас практически не проводил времени. По кабинету были разбросаны вещи, бумаги и много запчастей от неудачных и поломанных изобретений. Закрыв дверь, Николас обречённо скатился вдоль неё на пол, закрыв лицо руками. Наверное, в этот момент он в очередной раз ощутил своё нынешнее бессилие. Тело ослабло, голова казалась невыносимо тяжёлой, а руки по-прежнему бились в мелкой судороге. Склонив голову на подогнутые колени, он запустил пальцы в свои русые волосы, выдыхая застрявший внутри воздух. Посидев так некоторое время, мужчина наконец вскинул голову кверху, разразившись нервным смехом, перекликаемым со слезами. Николас издал истошный крик, совершенно забыв о

том, что в соседней комнате спят, но благо в квартире была хорошая звукоизоляция. В очередной раз в разные стороны полетели предметы, до этого беспечно лежавшие на столе, а о стены разбились пара фарфоровых сфер, которые Хольм специально купил для подобных истерических припадков.

Разгромив пол комнаты и выпустив пар, мужчина со всей силы стукнул кулаками по столу, упав между ними лицом. Последний год он провёл именно в таком состоянии, когда кажется, что весь мир полон несправедливости и разочарования. Но больше всего Николас разочаровался в себе. На удивление мысли о демонстрации отступили назад, давая проход самобичеванию. Взгляд Николаса упал на разбитую некоторое время назад рамку с фотографией, и он мгновенно подошёл, чтобы поднять и убедиться в том, что хотя бы с ней всё в порядке. С неё на него смотрели двое мужчин, одним из которых являлся сам Николас, а вторым — Геннадий Уолтер, его бывший напарник, наставник и друг. Он машинально одёрнул руку, когда та коснулась лежавших на полу осколков. Из среднего и безымянного пальца мгновенно пошла кровь, что заставило его облизнуть их, пытаясь прекратить этот процесс.

Он ненавидел себя, но слишком дорожил собой, чтобы покончить жизнь самоубийством, хотя порой ему казалось, что где-то там, на небесах, его мать уже давно ждёт своего блудного сына к себе в гости. Она умерла незадолго до его знакомства с Уолтером и, наверное, это даже лучше, чем если

бы она видела, до чего довёл себя Николас. Так он обычно успокаивал себя, когда в его голову закрадывалась мысль о том, что теперь он остался совсем один, никому не нужный, не имеющий даже элементарной поддержки. Нет, Николас общался по-прежнему лишь с одним человеком — Ричардом Флоу, который появился в его жизни как раз более года тому назад, но он никогда не был тем, кому можно довериться или открыться. Он не чувствовал того тепла или искренности рядом с ним, которое получал некогда от матери или Геннадия, поэтому и не позволял себе вольностей, тем более таких, чтобы поведать ему о своём состоянии. Завтра он уже успокоится и забудет об этом: о том, что чуть не разгромил пол кабинета, что бился в истерике в течение полутора часов, а вечером вновь всё повторится, и так каждый день.

Правда

Следующий день наконец наступил, открывая дорогу новым впечатлениям от жизни. Погода в этот раз, к сожалению, оставляла желать лучшего: дождь лил с самого утра. Николас, как обычно, спал, уронив голову прямо на рабочий стол, хотя в его комнате, уже ставшей для него рабочим кабинетом, имелась не слишком удобная кушетка. Но Николас не особо заботился о своём здоровье, не уделял должного внимания уборке в квартире и не желал ничего менять в своей жизни.

— Проснись и пей! — вбежала в комнату Моника, кружась и махая руками в разные стороны.

От крика ребёнка Николас так резко подскочил, что чуть не упал со стула. Голова гудела, тело ныло, спать хотелось всё так же сильно из-за недосыпа (что не удивительно, ведь он всегда просыпается ближе к обеду); Моника проснулась слишком рано. Девочка подбежала к мужчине и радостно потянула его за рукав, почему-то до сих пор улыбаясь. Но Николас ещё даже не успел опомниться от того, что происходит с ним сейчас. Он повернул голову к Монти, бормоча что-то невнятное себе под нос, а затем одёрнул руку и поднялся на ноги.

— Моника, какого... — запнулся Хольм. — Меня интересует, что ты здесь забыла?

— Вы же сами вчера приютили меня у себя...

— Приютил? — повысил голос Николас, но тут же, выдохнув, продолжил. — Это я помню, да. Вопрос в том, что ты делаешь в моём кабинете?

Моника моментально опустила голову вниз, ожидая, что её в очередной раз начнут ругать.

— Моника, я спросил! — молчание. — Запомни, пожалуйста, одно очень простое правило — никогда и ни при каких обстоятельствах не заходить ко мне в кабинет, не трогать меня, не липнуть ко мне и прочее, прочее, прочее. Ты поняла меня?

В ответ он получил лишь слабый, расстроенный кивок. Не хватало разве что всплакнуть, но Моника почему-то не делала этого. Может быть, боялась чего-то в присутствии Николаса, чувствуя, что это не доведёт до добра. У предсказателей обычно особо развита интуиция.

— Хорошо, дитя, тебя же покормить нужно, верно? — это скорее был риторический вопрос. — Ты пока сходи в душ, а я что-нибудь придумаю. Ванная комната: налево и по прямой.

Моника взяла полотенце из рук Николаса, которое он достал из шкафа, и ушла в указанном направлении. Стоило ей скрыться, как на мужчине не осталось и лица. В его голове не укладывался сам факт того, что он пошёл на такой риск ради ребёнка. Детей он, к слову, не очень любил, хотя и ненависти к ним не испытывал. Так было и со всем живым и кро-

шечным, будь то человек, животное или растение. Иногда казалось, что Николас обладал удивительной способностью губить всё вокруг одним своим присутствием, но истинность крылась совсем в ином.

Хольм ещё в юности решил, что никакой семьи в его жизни не будет, и не ставил целью жизни её создание, ведь сделать других счастливыми он будет не в состоянии. По большей части, мужчина даже не задумывался об этом потому, что сам почти никогда не думал о других. Он с детства привык обращать внимание только на себя и свои проблемы, научился скрывать истинные эмоции, которые подавлял сколько себя помнил. И сейчас, когда Моника находится в его квартире, Николас изо всех сил сдерживал себя, чтобы не сделать хуже, вспоминая не слишком приятное детство. Однако понимание того, что надолго его не хватит, заставило Николаса вспомнить о потерянных родителях девочки. Обещания найти их он не давал, но, прекрасно осознавая волнения Моника, Хольм решил всё же придать этому большее значение.

Придя на кухню, Николас заглянул в холодильник, в надежде найти там нужные ингредиенты для самого простого омлета. Пара яиц там действительно завалилась, но Хольм поймал себя на мысли, что нужно будет сходить в магазин. Но появляться на публике — наименьшее из того, чего он хотел. Ещё некоторое время спустя Моника всё же вышла из душа и проследовала на кухню.

— Моника! — окликнул ту Николас. — Садись за стол.

Он протянул ей завтрак, а сам сел напротив со своей порцией. Моника отрезала первый кусочек вилкой и засунула его себе в рот.

— Очень вкусно. — произнесла с набитым ртом беловласка.

— Ты прожуй сначала. — поднял бесчувственный взгляд Николас, после чего Моника на время замолчала.

— Можно задать вопрос? — поинтересовалась девочка, на что мужчина просто кивнул. — Вам ещё ничего не известно про моих родителей?

Николас тяжело вздохнул, опустив голову и схватившись за неё руками.

— Нет. — чётко и внятно ответил он. — Но я работаю над этим. В любом случае это в наших с тобой интересах — чтобы найти их и вернуть тебя домой. И я правда постараюсь выяснить, где они сейчас. Если будут новости, я скажу.

Моника выслушала Николаса и кивнула в знак согласия. Ей самой очень сильно хотелось к маме, но она понимала, что нужно время, чтобы выяснить, где она. Может быть, она потерялась? А если человек теряется, то его нужно искать. Но поиски — не дело пяти минут.

Браслет Николаса вдруг запищал и замигал, сообщая о внезапном звонке. Это был Ричард, должно быть, он звонил сообщить о важной встрече или очередном внеплановом

мероприятии, на котором Николас обязан будет побывать. Встав из-за стола, мужчина ушёл к себе в кабинет, ничего не говоря при этом Монике, и ответил на звонок.

— Да?

— Николас, какого чёрта я тебя вчера не видел на демонстрации? — послышался голос Ричарда в ответ.

— У меня возникли... Непредвиденные трудности, Ричард. Я не мог вчера присутствовать там. К тому же, официально меня туда не приглашали, и я не вижу смысла появляться там снова и снова.

— Хочешь сказать, что отрекаешься от этого? Впрочем, это не имеет значения. К нам недавно поступил запрос чрезвычайной важности от правительства. Ты, конечно, можешь делать, что хочешь, но уже через пару минут ты должен быть у меня. Этот диалог требует твоего личного присутствия. Подтверди, если услышал.

И Николас услышал:

— Да, Ричард, я тебя понял. Я сейчас же выдвигаюсь. Отключаюсь. — он сбросил вызов и, найдя в выдвижном ящике стола ключи, направился к выходу. — Моника, я отлучусь по работе. Ты помнишь правило? Ничего не трогай, води себя тихо и самое важное...

— В кабинет ни ногой, я запомнила.

Профессор лишь кивнул, надевая на себя плащ, и вышел. По пути Николас размышлял на тему того, что за новость подготовил для него Ричард, но мысли только нагнетали, на-

саждая иное видение ситуации. С того момента, как партнёрский союз Хольма и Уолтера распался, а Николас наконец получил всеобщее признание, его приняли на работу изобретателем в армии под чётким руководством Ричарда. Но появлялся он там лишь в тех редких случаях, когда требовалось что-либо починить, разъяснить (учитывая, что некогда он выучился именно на профессора наук) или создать. В остальное время он работал на дому, готовый в определённый момент выйти на связь. И это было связано по большей части с коллективом. А рядом с таким человеком, как Ричард, Николас не посмел бы испытывать судьбу и высказать ему всё, что давно таится у него на душе. Вероятно, он бы просто не понял — его взгляды слишком радикальны для этого. Тем не менее, самой волнующей и пугающей мыслью в голове мужчины была вероятность того, что Флоу вызвал его по поводу родителей ребёнка, находящегося в его квартире. И нет, не для того, чтобы вернуть его к родителям, а скорее наоборот — сделать то же, что и с ними.

Наконец, Николас явился на место работы и после короткого приветствия с персоналом направился в кабинет Флоу. Мужчина резко встал из-за стола, как только Хольм переступил порог.

— Где тебя носило? — раздражённо произнёс Ричард.

— Я пришёл как только смог. — Николас почувствовал себя некомфортно под пристальным взглядом друга. — Ты ведь сам прекрасно знаешь, что я живу достаточно далеко.

И, к тому же, я правда спешил. Ты ведь хотел мне что-то сказать?

Флоу был ниже Николаса на голову, поэтому притянул его за плащ ближе, ведя за собой к бортовому компьютеру.

— Ты знаешь что-нибудь новое из новостей от правительства? — поинтересовался Ричард.

Николас отрицательно покачал головой:

— А разве могло произойти что-то, касающееся структур подразделения армии всего за пару дней?

— Могло. Более того, наша обязанность — вести контроль и защищать население от всего, что может оказать им вред. — пояснил военный. — И к твоему удивлению, у нас действительно появилась серьёзная проблема.

— Какая? — поинтересовался Николас, уже догадываясь, о чём пойдёт речь.

— Пару дней назад наши солдаты выследили лагерь предсказателей. Ты знаешь — это было нетрудно, они всегда строят пристанища ближе к воде. Так вышло, что нападать на них сразу мы не стали. А когда пришли за ними, обнаружили недобор.

— Это очень серьёзно, Ричард. Но я понятия не имею, что ты требуешь от меня? Мои обязанности не заключаются в этом.

— Многим удалось сбежать, кому-то даже повезло спрятать своих отпрысков. — посмотрел на профессора Флоу. — Женщина, которую преследовал лично я, как раз скрыла

своё отродье. Представляешь моё разочарование, когда я не смог его найти?

Николас замолчал, но стоило собеседнику отвернуться его губы тронула лёгкая улыбка.

— Я понимаю. Но так ли важно найти этого, я полагаю, ребёнка? Он ведь явно напуган, да и один вряд ли протянет даже неделю.

— Может и так, но ты не понимаешь. Если не истребить их, то все наши стремления, идеология и старания пойдут под откос! Всё, что мы строили годами, падёт крахом.

— Из-за ребёнка? — рассмеялся Николас. — Извини меня, Ричард, но я правда не понимаю. Что может сделать один ребёнок, даже при том условии, что он выживет? Вряд ли устроит переворот.

Флоу хотел ещё что-то сказать, но замолчал на полуслове, когда Хольм вновь заговорил:

— И не надо на меня так смотреть. Ты, безусловно, профессионал своего дела. И я прекрасно понимаю, почему ты придерживаешься этого мнения.

Правительство давно начало насаждать гражданам разработанную ими идеологию. Некогда было заявлено, что любое противоречие ей каралось законом. Считалось, что такие народы, как предсказатели, исторически обитаемые в пределах страны Z, имеют свою картину мира и смогут настроить людей против власти. Наука не представляла для них чего-то важного, и они открыто высказывали своё недовольство. По-

ступило постановление о том, что их надо истреблять.

— Однако хотелось бы узнать, что именно тебе нужно от меня? — поинтересовался Николас.

— Ты видел что-либо подозрительное в последнее время?

— Например?

— Людей с тёмно-карими глазами, похожими на бусинки? — напрямую спросил Флоу.

Николас еле заметно вздрогнул. Природа предсказателей необычна: они всегда рождались с глазами без радужки, которые можно было сравнить со звериными, чаще всего с медведями — животными, что обитают в лесах Основного Интеграционного района. В этом была своя прелесть, вызывавшая некий страх. Профессор сделал задумчивый вид.

— Нет, таких я не видел. Но с другой стороны, как их теперь найти, если карие глаза есть у многих жителей Центра? Даже у тебя.

Ричард оглядел Николаса, а затем добавил:

— Они должны выдать себя. Сейчас предсказатели будут особенно уязвимы, когда их лагерь разбит: им придётся искать место для создания нового, дети, как ты уже выразился, долго не проживут, а если найдутся, то пришлю за ними отряд и отправлю туда, куда следует. Если заметишь хоть одного им подобного, будь добр, сообщи мне.

Николас кивнул.

— И каждого, даже того ребёнка, что потерял из виду конкретно ты, будет ждать та же участь, что и родителей? Их

ждёт смерть?

Ричард молчал. Николас не дождался ответа. Мужчина направился в сторону выхода, чтобы покинуть кабинет, но прежде Флоу успел ответить на поставленный вопрос:

— Так будет лучше. Не я издаю законы, ты же знаешь. Этот ребёнок должен умереть.

Но мысль об убийстве сразу же исчезла из размышлений Хольма. И, вспоминая вечные поучения Геннадия, он сделал выводы о том, что промолчит и не станет губить жизнь бедной девочке. В конечном итоге, она никак не виновата в том, что родилась той, кем является — с этим наверняка можно будет что-то сделать. И, учитывая природу предсказателей, она выглядела вполне безобидно, подобно любой девочке её возраста.

Ещё не до конца понимая, как сообщить Монике о родственниках, Николас скрылся в одном из телепортов.

После ухода спасителя Моника не могла усидеть на одном месте более пяти минут и принялась рассматривать комнату, в которой спала ночью. Она, с опаской глядя на разбросанные запчасти, подошла к ним поближе. Всегда в семье её уверяли в том, что люди, помешанные на техническом прогрессе, приведут страну к упадку, или, если говорить простыми словами, призывали девочку остерегаться их. Но за то время, что она пробыла в квартире у незнакомца, ей не казалось, будто он хочет ей как-то навредить. Скорее, наоборот,

Николас боялся Моника. И это в некотором роде правда, в силу того, что ему удалось узнать о предсказателях за жизнь. Тем не менее, Монти отступила назад и взглянула уже в окно.

Прошло ещё немного времени, и входная дверь отворилась. Первым делом Хольм снял с себя верхнюю одежду, оставшись в белом лабораторном халате, не застёгнутом на пуговицы, тёмно-серой футболке под ним и джинсах, и продолжал вперёд.

— Моника! — позвал ребёнка мужчина.

Девочка мигом выбежала из комнаты и обратила внимание на вошедшего. Лицо его не выдавало никаких эмоций, словно он и не беспокоился о реакции Монти на кончину родителей. Разумеется, Николас собирался сообщить ей об этом, но не знал, каким образом преподнести эту информацию.

— Моника, сядь за стол, пожалуйста. — вымолвил профессор, проходя на кухню.

— Вы нашли что-то о моих родителях? Прошу, скажите, что это так!

— А? — мужчина провёл одной рукой по своим волосам, опираясь о круглый стол другой, и повернул голову в сторону.

Он опустил глаза в пол, после чего скользнул взглядом по полу, стене и потолку — говорить такого рода новости совсем не хотелось. Но это было необходимой мерой.

— Я не хочу надоедать... — проговорила малышка. — Но Вы обещали узнать о них что-то!

— Само собой. — наконец заговорил Николас, повернувшись к маленькой собеседнице. — Я правда узнал кое-что.

Увидев радостный огонёк в глазах Моники, Хольм скрепил зубы.

— Я надеюсь, ты поймёшь. Сейчас я бы обязательно вернул тебя родителям, но, боюсь, что ваша встреча невозможна.

— Почему? — девочка заморгала глазами. — Им пришлось отъехать? Это надолго?

— Да... — полушёпотом произнёс Николас, нервно улыбувшись. — Послушай. Бывают такие неприятности в жизни, из которых можно выйти только одним путём. И никто не в силах поменять исход событий.

— Мама говорила, что будущее не всегда бывает точным и напрямую зависит от самих людей.

— Твоя мать определённо права, но... не в этом вопросе. Понимаешь? Есть такое явление в природе... — Хольм вспомнил свою покойную матушку, которую так сильно любил. — Ничто не вечно. Рано или поздно каждому существу приходится уйти. Но раз и навсегда...

— Уйти? Но мама и папа ведь уехали ненадолго, правда?

— Боюсь, что они не исключение. — Николас взглянул на растерянную девочку. — Прости, Моника... Но я должен тебе сказать.

— Что? — Монти растеряла свою прежнюю радость. — Они ведь не могли меня оставить...

— Они и не хотели, но иногда наши судьбы решают за нас. Будь их воля, я уверен, тебя бы не оставили одну! Но им пришлось... уйти. И они больше не вернутся.

Моника шмыгнула носом, сидя на стуле, по детским щекам потекли слезинки — Николас обратил на это внимание, силясь не ляпнуть ещё чего-то. Он считал, что и без того наговорил достаточно. Довёл ребёнка до слез путём правды, которую девочка наверняка не до конца поняла. В её глазах это выглядело так, как будто родители просто бросили ребёнка, уехав далеко. И Хольм понимал, что рано или поздно ей придётся рассказать об их смерти. Просто сейчас он не мог подобрать слов, чтобы объяснить это. Девочка соскочила со стула и, плача, убежала в комнату, громко хлопнув дверью.

— Прости.

Мужчина извинялся в первую очередь перед собой — за слабость с его стороны, за то, что он вновь оказался не в состоянии помочь кому-либо. Просто вид малышки вызывал у него жалость: он сам испытал на своей шкуре, каково это — лишиться родителей, но лишь с той разницей, что ему на момент смерти отца и матери было пятнадцать лет и двадцать два года. Но он имеет дело с маленькой девочкой, и Николасу всё-таки придётся найти в себе силы на то, чтобы успокоить её.

Пару минут спустя профессор наконец собрался духом и, обеспокоенный предстоящим разговором, со стуком вошёл в комнату. Моника сидела практически на подоконнике около окна и глядела потускневшими глазами куда-то вдаль. Должно быть, она услышала шаги сзади и точно почувствовала прикосновение дрожащей мужской руки к плечу, но при этом совсем на то не реагировала.

— Мне очень жаль... — сквозь скрежет зубов проговорил Хольм.

— Они больше не вернутся? Я им больше не нужна?

Николас тяжело вздохнул и развернул Монти к себе, сядя напротив на корточки.

— Нужна. Когда ты подрастёшь, думаю, наступит момент, и я объясню тебе это ещё раз. Мне никогда не заменить тебе родителей, но я знаю, что они всегда будут рядом с тобой — вот здесь. — сказал он, указывая на область сердца на груди.

— Внутри меня? — посмотрела на него малышка.

— В твоих воспоминаниях, в твоей памяти, в твоём сердце. — ответил он и улыбнулся так тепло, насколько умел.

Казалось, на время девочка прекратила плакать, но минутой позже, вопреки запретам хозяина апартаментов, накинулась на мужчину с объятиями. И, чувствуя свою вину, тот позволил себе промолчать и обнять ребёнка в ответ.

— Ты останешься здесь со мной.

Моника удивилась. Она подняла голову кверху и вопросительно взглянула на попечителя.

— Правда?

— Я не оставляю тебя на улице. Я уже принял на себя ответственность, взяв тебя к себе.

Одно всё же не давало покоя профессору. Народ предсказателей годами избегал столкновения с Центральной властью, стоит ли говорить про отсутствие у них необходимых документов и регистраций на жительство и социальные нужды? Девчонке нужно было банальное удостоверение личности, чтобы никто и не подумал на её принадлежность к «изгнанным», создание которого сводилось к несводимому. Ричард не станет помогать Николасу — он чётко расчертил границы ещё при встрече: он убьёт ребёнка, стоит ему его просто показать. Других знакомых у Николаса и не было. Однако был среди вариантов один катастрофически болезненный, но в данной ситуации необходимый и чрезвычайный.

Николас знал, где ему смогут помочь. Ноги сами привели профессора к тому месту, где когда-то зародилось его доброе начало. Он был, почему-то, уверен, что человек, которого ему больше всего хотелось увидеть, находился дома, хотя в подсознании закрылась мысль об обратном.

Николас старался отметать все мысли, что наводят на него воспоминания о прошлогодних событиях. Последняя встреча с Геннадием была слишком холодной — как иронично бы было увидеть дождь в тот злосчастный день. Но в памяти Хольма лишь пасмурный вечер и опустошённые серые глаза,

смотрящие сквозь его силуэт.

Всё, что было нужно — пройти через охрану, стоящую на входе у Лаборатории при Правительстве, но, учитывая то, что Геннадий занимает не последнюю должность у государства, проверить какую-либо махинацию простому человеку, как Николас, было невозможно. Тем более после прошлогодних событий.

— Прошу прощения, сэр, — остановил того охранник в строгой форме. — Вам сюда не положено.

— А вы здесь новенький? Я думал, что здесь будет Жак. — припомнил имя бывшего охранника Хольм.

— Мне повторить Вам ещё раз? — продолжал собеседник.

Уйти обратно — вещь бесполезная и главное — не безопасная, как для Николаса, так и для ребёнка. У Ричарда, как минимум, возникнут вопросы, а если кто узнает, то примут за пособника в деле, касающегося нарушителей закона. Но и разговор с охраной не клеился. Можно было солгать, что тот пришёл от народа, якобы что-то передать или высказать благодарность Уолтеру за его старания, но это вряд ли стало бы решением проблемы — Геннадий, при всём уважении, мог бы послать его обратно восвояси, попросив передать его пожелания через третьих лиц. Тогда оставался третий вариант — сознаться в правде.

— Пожалуйста, скажите Геннадию Уолтеру, что я — Николас Хольм — сейчас сам пришёл сюда по его душу и про-

шу у него одного разговора. Это срочно.

— Хольм? — хмыкнул мужчина. — Тот самый что ли?

Профессор лишь вздохнул.

— Тот самый — тот самый. Только Геннадия опросите, пожалуйста.

Через время охрана всё же вернулась на своё место, пропустив наконец Хольма внутрь. Сердце ушло в пятки в момент, когда тот поднимался по лестнице. Они не виделись целый год — что же ему сказать? Как начать разговор? И логически подвести к вынужденной просьбе?

Добравшись до заветной двери второго этажа, Николай неуверенно дёрнул ручку, чтобы отпереть её. Зайдя внутрь, мужчина с трепетом понял, что в интерьере мало что изменилось со дня его последнего пребывания здесь. Разве что стало немного чище и тише, за исключением пары перестановок мебели.

Огромным плюсом Лаборатории при Правительстве являлось то, что главным учёным предлагалась и собственная квартира, совмещённая напрямую с рабочей зоной. Само помещение было очень светлым и слепило глаза за счёт солнца, выглянувшего с балкона. В дальнем левом углу огромного зала на подъёме так же стоял жёлтый диван и стол управления «умным домом» — нано-системой охраны. Николай дошёл лишь до середины, осознавая, что нарушит личное пространство другого человека, к которому он больше не принадлежит.

— Я предполагал, что встречу тебя сразу в лаборатории.
— слышался спокойный голос, заставивший повернуться.

Всё не так. С его появлением зубы Хольма сжались сильнее, в груди сдавило плотным узлом, но окружающая обстановка, наоборот, вызывала некое ощущение спокойствия.

— Ну привет. — Геннадий вышел из спальни.

Мужчина лет пятидесяти с каштановыми взъерошенными кверху волосами и лопухостью, бросающейся в глаза.

— Здравствуй...

— Есть определённая причина, я угадаю, которая привела тебя сюда? — продолжил стоящий перед профессором. — Иначе, если бы ты просто желал увидеть меня, стоило прийти на вчерашнюю демонстрацию.

Николас старался не пасть духом уже сейчас и силой пересилить нутро.

— Я бы пришёл. Но кое-что произошло буквально вчера.

— Разумеется, Николас. И это именно та причина, с которой ты не в состоянии справиться самостоятельно. После всего, что произошло, думаешь, мне есть до этого дело?

— Как я могу знать, что произошло, если ты даже не говоришь мне об этом? — плотнее сжал губы профессор.

Уолтер протёр свои очки и на выдохе посмотрел на него снова. Он хотел бы ему верить, но марево предательства наконец затмило пустоту в груди. Геннадий терпел бы его выходки, выносил характер и дальше, если бы не нож в спину,

брошенный исподтишка в прошлом году.

— Говори, зачем ты здесь? — теперь уже учёный сжимал губы в тонкую полосочку.

— Ты слышал новость из Правительства?

— Конечно, я ведь его приближённый.

— Нашли целое поселение «изгнанных» и отвезли в Центр. Они убили почти всех.

— Печально, правда? — Геннадий бросил на Николаса выжидающий взгляд. — Я удивлён, что ТЫ говоришь мне об этом. Тебе ли объяснять о несправедливости, когда мне самому не удалось договориться с Правительством на более гуманное поведение в сторону пришедших? Когда твой друг, я про Ричарда, если ты не понимаешь, о ком я, лично возглавил этот геноцид.

Уолтер помолчал немного.

— Знаешь, вы с ним, действительно, «два сапога — пара». Оба думаете лишь о себе. Скажи, ты способен назвать хоть один случай, когда сам решал проблемы, а не приходил ко мне со своими травмами? — он подошёл ближе. — Нет? Вот и я тоже... И к чему твой визит сейчас? В очередной раз мучает совесть? Ничего, Николас, я думаю, ты это заслужил.

— Пусть так! — почти крикнул Хольм. — Мне нужна твоя помощь. Дело не во мне, дело в ребёнке.

Геннадий хотел что-то сказать, но профессор опередил его.

— Ты не хочешь меня слушать? Я не стану просить ауди-

ении во второй раз, если захочешь выгнать меня. Но, можешь верить или нет, в моей квартире сейчас находится ребёнок одного из предсказателей, которых убили ещё вчера. Я сам узнал об этом от Ричарда, и, как подумаешь о том, чтобы сравнить нас ещё раз, вспомни, что я никогда не был равнодушен к убийствам. — он выдохнул. — Я сказал девочке, что оставлю её у себя, и мне нужны доказательства того, что она не имеет отношения к «изгнанным».

— Просишь меня подделать документы? — изумился собеседник. — Это наказуемо, Николас.

— Я знаю, но кто поможет мне, кроме тебя? Сделай это не ради меня. Не для того прошу...

Сердце сейчас выпрыгнет из груди — ну что же ты? Разве можно так холодно общаться с человеком, которому сам когда-то говорил об обратном? Николас искренне не понимал, что такого мог натворить, если Геннадий без объяснений отвернулся от него.

— Гена... Я хочу ей помочь. Не хочешь помогать мне? Так не нужно, не делай того. Но я знаю, что ребёнку ты отказать не в силах. Мне больше не к кому обратиться...

Уолтер ещё раз обвёл знакомого взглядом и недоверчиво хмыкнул. Затем протянул руку навстречу, чтобы забрать необходимые бумаги.

— Посмотрим, что можно сделать. — выдохнул наконец Геннадий. — Ты хочешь её удочерить, Николас?

— Да. — коротко ответил собеседник после небольшой

паузы.

Мужчина оглядел того с ног до головы и, поманив за собой, повёл в лабораторию. Хольм был рад тому, что его согласились выслушать. Было приятно сознавать причастность Геннадия. Пройдя длинные коридоры, они очутились в помещении, оснащённом средствами, оборудованием и посудой, необходимыми для выполнения научной деятельности. Николас уже был здесь много раз и прекрасно знал каждый уголок апартаментов.

— Тебе всё ещё нужна моя помощь? — прервал тишину Уолтер.

Профессор кивнул. Он знал, что помочь ему способен только Гена, и не пытался раззадорить того сильнее, завязав разговор о произошедшем. Мужчина понятия не имел, за какие заслуги лучший друг отдалился и не стал объяснять причину своего недовольства. Но осознавал лишь одно — характер Хольма порядком достал добродушного и ранимого учёного.

В конце концов, ведущий сел за громадный сенсорный рабочий стол, а ведомый встал поодаль него. Разумеется, подделка документов далеко не дело пяти минут, поэтому пришлось ждать. И всё то время Николас то и дело посматривал в сторону химика, изредка ловя себя на мысли, будто тот тоже смотрит на него.

— Что мне написать в графе с фамилией? — спустя время обратился к знакомому Уолтер.

— Слишком рискованно будет писать её собственную. Ричард сразу поймёт, что происходит, и все подозрения лягут на меня.

— Тогда пишем твою?

Николас распахнул глаза и посмотрел на бывшего друга.

— А чего ты хотел? Ты абсолютно прав. Если Ричард узнает, у вас будут неприятности. Если в графе будет твоя фамилия — у него скорее всего не возникнет вопросов.

— Тогда пиши мою. — закончил Хольм. — И спасибо.

— Рано благодаришь — я ещё ничего не сделал.

— За то, что согласился помочь.

— Я сделал это не для тебя, а ради малышки.

Да это и не важно. Главное, что учёный попросту согласился его выслушать, а не захлопнул перед ним ворота ещё на этапе общения с охраной. Николас внимательно наблюдал за движением рук Геннадия, которые то и дело строчили по сенсорной голографической доске. До этого профессор навёл справки на личность Моники Монти и её семейства, именно с этими документами он пришёл сегодня. И руки химика неплохо справлялись с заданной ему задачей. Хольм хотел остаться здесь дольше, но Уолтер вдруг протянул свою руку внутрь изогнутого сканера и достал оттуда бумаги.

— Всё. — мужчина протянул их другому. — По документам ты её законный представитель, она же — Моника Хольм — удочерённая тобой месяцем назад. Скажешь, что не был готов признаться в этом кому-либо и скрывал своё отцов-

ство. Здесь также медицинские показания — но на твоём бы месте я сходил к докторам на реальную проверку уже в ближайшее время.

Николас кивал на каждое изречение, разглядывая содержимое в руках.

— Да, спасибо. Это было очень важно.

— Это... — перевёл дыхание Геннадий. — Не за что. Девочка сейчас у тебя дома? — профессор кивнул. — Не поделишься информацией, как она попала туда?

— Это долгая история. Но я даже не планировал в этот день ничего, кроме демонстрации.

— Ты не явился из-за неё? — улыбнулся Уолтер. — Что ж... Это, наверное, сильно огорчило тебя?

Вот гад! Так думал Николас. Очевидно же, что собеседник значит для него многое.

— К сожалению... — вымолвил мужчина, переминая документы. — И всё же, по крайней мере, этот ребёнок в безопасности.

Геннадий перестал улыбаться и последовал за знакомым, поднимающимся на поверхность, а когда тот же попрощался с ним, сказал:

— Николас... — последний замер. — Даже если я принял решение, ты всё ещё можешь обратиться, когда нужна моя помощь.

— Ты прости меня. Сколько бы грехов на мне не лежало, я всё ещё осознаю свою причастность. Ты был прав, меня

мучает совесть, и совсем не важно, совершал я то или иное преступление. Но мне бы хотелось верить в то, что я хоть что-то могу сделать правильно.

— Ты правильно поступаешь сейчас. Родители девочки наверняка были бы рады, что ты позаботишься об их чаде.

Вскоре на небосклон выходит луна, сияющая сквозь занавешенные шторы в комнату Моники. Николас сел рядом с ребёнком, чтобы убедиться в том, что она засыпает. Девочка действительно хотела спать.

— А все звёзды, что на небе — это те, кто покинул нас? — спросила малышка, зевая.

— О чём ты говоришь?

— Мама говорила, что там и мои предки тоже. Сегодня звёзд не счесть. Наверняка среди них есть она. — «Монти» посмотрела на мужчину. — И твои.

Николас сглотнул и смятенным взглядом посмотрел на неё. Его матушка, дорогая ему старушка, столько раз страдала, да и сын редко когда уделял ей должное внимание, а когда пришёл момент прощания — было поздно. Тогда он просто бросил всё, что досталось ему от семьи, и уехал в Центр, прервав все связи с роднёй. Как они там? Что случилось с ними? Уже не известно... Иногда он ловит себя на мысли, будто зря поступил так, и сильно скучает по Гилберту, Эстебану, Альме... По Джинневре в частности... Она слишком много страдала по его вине. Надежда не покидала мужчину, что ей

удалось найти своё счастье без него.

— Ты скучаешь по ним? — спросила Моника. — Ничего, я уверена, они тоже тебя вспоминают.

— Добрым ли словом?

— Ты хороший. — Николас переглянулся с ней.

— Спи. Ночь глубокая.

Девочка приподнялась и обняла сидящего рядом с постелью, заставив опешить.

— Я рада, что останусь с тобой. И мы теперь одна семья. — мужчина улыбнулся, но тут же убрал улыбку с лица. — Мне называть тебя «отцом»?

— Нет. Просто Николас.

Она так же нуждалась в любви и заботе, как и он когда-то. Моника была совсем малышкой, и для Хольма стоило немалых усилий, чтобы дать ей то, чего не было у него, или постараться это сделать. В конечном итоге, ему некому отдать ребёнка, а по документам у неё теперь его фамилия, и вряд ли получится отвертеться отныне. К тому же было дано обещание Геннадию, что Николас позаботится о малышке. Он постарается справиться с ношей, лишь бы как-то скрасить одинокие серые будни в жизни обоих.

Праздник

Ясно. Прошло совсем немного времени с того момента, как молодой профессор наук приютил у себя дома живого отпрыска предсказателей. На дворе всё ещё стоял май, но в этот раз погода была приятнее — ни надоедливости ветра и прохлады, лишь проблеск тепла солнечных лучей из-за облаков. Моника уже успела обжиться здесь и даже привыкнуть к быту и расписанию новоиспечённого родственника. Николас пару раз куда-то рьяно уходил с утра пораньше, но зато холодильник в квартире теперь точно не пустовал. В конце концов, Хольм понимал, что на его плечи легла огромная ответственность, к которой он, конечно, был приучен, но, как и любой инфантильный человек, желал обойти её стороной. Присутствие ребёнка по-прежнему местами пугало мужчину, хотя в целом и общем тот начал к ней привыкать. По крайней мере, в квартире появилась какая-никакая живность. Этим утром, двадцать пятого мая, оба находились дома, каждый в собственной комнате, и никто больше не пренебрегал в это время личным пространством друг друга. Почти — в дверь профессора постучали. Сон его был чуткий — сразу всё услышал. — Что случилось? — посмотрел усталыми глазами на маленькую девочку Николас. — Мне снилась мама. Я знаю почему. Сегодня я совсем большая, мне наконец позволено называть себя пророчицей. Она сказала, что

благословляет.— Что? — разумеется, собеседник ни слова не понял. — Тебе опять снились родители... Хочешь, я побуду с тобой, чтобы ты смогла выспаться?— Нет, не надо, я хорошо себя чувствую. Тебе сегодня куда-нибудь нужно? Останься со мной. Хольм улыбнулся и категорично замотал головой.— Мне никуда не надо. Пойду посмотрю, что мы сегодня можем перекусить, а потом ещё раз объяснишь мне, что ты видела сегодня ночью. Но сначала лучше заскочу в душ. Девочка кивнула и проследовала по левую сторону от двери старшего, направляясь на кухню. Николас же свернул в противоположную — к приоткрытому входу в ванную комнату. Там он снял с себя рубашку, оголяя статное тело вдоль до пояса, и взглянул в зеркало, неспешно сжимая в руках одежду и выбрасывая её в урну для белья сбоку от раковины. Его не восторгала собственная привычка сутулить спину, отчего тот постарался выровнять плечи и, по совместительству, осанку. Неосознанно глаза устремились на грудь, и пальцы коснулись уже давно зажившего шрама вдоль средней линии. Он был уродом. Сейчас. Когда лишь зеркало говорило ему правду о том, кем он является на самом деле — оно явно знало о нём больше, чем кто-либо другой.

Воспоминание Планета Z, Центр Всего, здание Лаборатории при Правительстве Геннадий обеспокоенно посмотрел на соседа по комнате, только что вышедшего из ванной, в которую буквально несколько минут назад ворвался учёный. Длинноволосый явно чувствовал дискомфорт после ситуа-

ции и почти не смотрел на друга в ответ, лишь изредка поглядывая. — Николас... — мужчина осторожно протянул руку в его сторону, словно приближался к пугливому животному, пытаясь доказать, что не собирается нанести никому боль. Тем более, то, что он увидел, — уже ужасно. — Не подходи. — голос Хольма дрожал. — Я не хочу об этом говорить. Уолтер напрягся. — А я не должен был видеть. Ты скрывал от меня, что режешься? Ты же в курсе, что из-за кучки недотёп бросаться во всё тяжкие — далеко не выход? — Я не хочу! — Николас перекрикнул, осознавая, что первая слеза уже покатилась по его щеке. — Я никогда не проявлял к себе селфхарма. Он уставился на Геннадия, стоявшего на месте со всё ещё протянутой рукой. Мужчина не рисковал подходить к другу в таком состоянии. Первым делом нужно было узнать правду. — Хорошо, я не буду тебя трогать. Но я хочу помочь, — учёный перешёл на шёпот, надеясь, будто это поможет. — Давай просто сядем и поговорим. Обсудим произошедшее. — Я не буду с тобой о таком разговаривать, Уолтер. — зубы профессора заскрежетали. — Моё тело не должно быть объектом твоего любопытства. — Ты не хочешь говорить со мной, потому что боишься реакции? Или просто больно вспоминать? Николас схватился за голову и противоборствующе замычал. — Меня не волнует твоя реакция. Мнение никого в этом жалком мире меня не интересует, ясно? Собеседник приблизился. — Тогда что? Уста Николаса задрожали, и впервые за всё время их зна-

комства он потерял самообладание, упав на колени и расплакавшись. Стоящий перед ним с ужасом смотрел на товарища, не до конца понимая, к чему движется их совместный разговор.— Расскажи мне. — Геннадий поднял друга и усадил на стоящую рядом кровать. — Николас... Как давно у тебя все эти шрамы? Но парень был не в состоянии ответить — хвала Всевышнему, Уолтер умел терпеливо ждать, как и поступил в этот раз. Воспользовавшись временем, мужчина достал из прикроватной тумбы успокоительное и сходил за стаканом воды, позже передав его пострадавшему.— Тебе легче? — он опасливо получил утвердительный ответ. — Расскажешь теперь? Длинноволосый судорожно выдохнул и, окинув взглядом друга, печально хмыкнул.— Эти шрамы... — рука скользнула между шеей и плечом. — Достались мне в наследство... От моего покойного папаши. Геннадий молча слушал.— Мои родители никогда не отличались великой любовью друг к другу. И я часто становился свидетелем их тёрлок. — молчание. — Когда мне было лет... приблизительно, двенадцать, я заступился за мать в момент отцовской тирании...— Какой ужас...— Да. — на мгновение он отвернулся. — Это сделал он. Последние слова Хольм прошептал, словно надеясь на то, что прямо сейчас его пристрелят на месте. Ему далеко не хотелось предстать перед кем-то в подобном виде. А сейчас этим человеком оказался близкий. Уолтер неожиданно обнял мужчину и погладил длинные светлые русые волосы.— Ты всё же не говорил, потому что сам не

хочешь принимать сложившееся. — Ник кивнул. — Ты меня извини, но твой отец — ублюдок! Самый настоящий. — Я знаю. — усмехнулся профессор. — Отсядь от меня, это выглядит неправильно. — Я думал, это поможет тебя успокоить. — Просто ты... Напоминаешь мне мою покойную мать...

Наше время

Планета Z, Центральный район, Призрачная зона

Да, это было правдой. Зачастую оборотной стороной знатных семей являются их низжайшие пороки, среди которых высокомерие, корыстолюбие, гордыня и насильственные наклонности. Но не в этой истории мне нужно говорить вам о том, что он пережил. Геннадий, действительно, был близким человеком для него, и Николас видел в его поведении отголоски чего-то родного. Подобные чувства всегда вызывала его покойная мать, и совершенно случайно совпало, что Уолтер появился в жизни профессора спустя некоторое время после её кончины. Тогда ещё взаимоотношения двоих оставляли желать лучшего — всё же они в первый раз видели друг друга и оба были воспитаны в совершенно разной среде и иными методами. Желание Хольма укрыться от остальных в конечном итоге настолько пересилило его самого, что со временем он даже не заметил, как часто стал сбегать от учебной группы в студенческую лабораторию к совершенно странно-му учёному. Одно Николас мог утверждать точно — ему не нужна была причина, чтобы попросить у Геннадия о помощи, потребовать совета или просто заскочить к нему и спро-

свить «Как дела?». Этот человек всегда встречал его с лучезарной улыбкой в одном и том же месте на протяжении года. И именно из-за его доброты мужчина когда-то доверил ему самые сокровенные тайны сознания, о которых ранее знали лишь он... и мать.

Кровные узы — самая нерушимая связь на свете. Наверняка поэтому мужчина никак не мог отпустить события прошлого, убивающие его изо дня в день. «Я не знаю, как обращаться с ребёнком...» — мыслил тот последние две недели, взирая на старую, местами потёртую фотографию матери. Это был портретный снимок, сделанный ещё в то время, когда Николас только поступал в академию. На нём она была во всё том же привычном ему золотистом платье со шнуровкой и корсетом сверху и волосами, заплетёнными в неряшливый пучок. Обычно мужчина риторически обращался к нему, дабы попросить совета в надежде на лучшее, изредка уделяя внимание студенческой карточке с Уолтером. После их расставания Хольм больше не смел причислять себя к ряду его близких — а стало быть, и общаться с ним права не имел. И это убивало сильнее, чем мрачные отголоски сознания, норовящие вернуть его в цепкие отцовские объятия, ибо Геннадий единственный, кто на данный момент мог бы подсказать, что делать с маленькой девчонкой.

Но Николасу не у кого спросить... Хотя, конечно, учёный говорил ему о возможности вернуться к прошлому разговору. Впрочем, чтобы обдумать предложение, времени было

предостаточно, и в этот раз мужчина вовсе не нуждался в поддержке старого друга.

Закрыв за собой дверь после водных процедур, Николас проследовал по коридору на кухню, параллельно вытирая полотенцем мокрые волосы. Моника уже явно начала хозяйничать там, о чём можно было бы судить по грохоту, доносящемуся оттуда. Чуть ускорив шаг, мужчина смог лицезреть картину: девочка своими маленькими ручонками старалась ухватить сразу несколько предметов из шкафа и постоянно роняла то сковороду, то вилку с ложкой.

— Что ты делаешь? — резко задал вопрос мужчина.

— Хочу помочь тебе что-то приготовить на завтрак. Я нашла в холодильнике яйца с беконом и думаю, что яичница будет самым подходящим блюдом на сегодня. — пояснила провидица. — Только вот я не могу до них достать.

Малышка была невеликого роста и не дотягивалась до верхних полок банкета. В целом идея — шарить по кухне в поисках чего-либо — не вызывала доверия у профессора. Но объяснять это маленькому ребёнку уже изрядно надоело и не имело, казалось бы, смысла.

— Моника. — схватил он её за руку. — Давай уже будем заканчивать этот кавардак. Я приготовлю то, о чём ты просила. Только сядь на место и ничего не трогай. Пожалуйста.

— Но сегодня мой праздник. Я хочу помочь.

— Какой праздник? — вздохнул мужчина.

— А я же не сказала! — воскликнула девочка. — Мой

день рождения!

В тот день, когда созвездия сошлись в один ряд, младшая Хольм уже была наделена Силой Рода.

Николас заморгал, осознавая про себя сказанное. В такие моменты ребёнку же обычно дарят — что? Подарки. На столе полно угощений, в центре праздничный пирог. Но ведь он сам не обязан этим заниматься. В конце концов, она и во-все сообщила в последний момент. Но видеть перед собой выжидающий взгляд невыносимо.

— Так как празднуют этот особый день в ваших семьях? — осторожно спросил профессор.

— Я всегда играла у озера. Там мой дом. Мне бы туда сходить...

— Иск... Исключено... — тихо произнёс старший. — Ты не можешь приходить туда когда вздумается. По крайней мере, пока всё не утихнет.

— Почему? — возразила малютка. — Там мой дом, мои родные.

— Твои родные... Их нет...

Моника насупилась. Она нахмурила брови и хмыкнула:

— Я не хочу с тобой разговаривать!

Ей бы стоило убежать в комнату, как и пару недель назад, но вместо этого предсказательница забралась на стул и скрестила руки на груди, надув щёки. А Хольм стоял и молча смотрел на неё, не осознавая, что ему делать дальше. С одной стороны, страх того, что за помощь разыскиваемой

могут быть определённые последствия, которые, вероятно, сильно скажутся на Николасе. Как минимум, можно было бы отделаться выговором, а того хуже — и дисквалификацией из списков Правительства; как максимум — дальнейшим запретом на работу в сфере механики и кибернетики или же смертной казнью, дабы разделить участь с «покрываемой». Ему не хотелось ощутить на себе брань кого-то свыше: Ричард первый доложит обо всём Главному, когда правда раскроется, и их «крепкая дружба» не будет играть никакой роли — в том он уверен.

Перед профессором стояла сложная задача. Такой она ему казалась. Решиться выйти в люди с ребёнком, подозрительно похожим на пропавшую предсказательницу? Или сберечь её дома, дабы не рисковать своей шкурой, оставив малышку без праздника?..

Хольм замешал ингредиенты для омлета и вылил содержимое плошки на разогретую сковороду. Тяжело вздохнул. Затем поставил рядом ещё одну и небрежно разбил два яйца, оставив жариться. Он повернулся к столу, чтобы понять, как ощущает себя Моника. Та водила пальцами по поверхности и хмурила брови. От такого вида сердце невольно сжалось, но страх перед законом был намного сильнее. Закончив с едой, он поставил тарелку с аккуратно выложенным «деликатесом» перед малышкой, а сам расположился за соседним стулом. В сравнении, его стряпня оставляла желать лучшего с эстетической точки зрения. Когда профессор доел, с лёг-

кой долей раздражения заметил, что Моника не съела ни кусочка, ковыряя свой завтрак, который так просила. Николас поставил в раковину пустую тарелку и демонстративно ушёл в свой кабинет.

Внутри, как и прежде, — не прибрано. Мужчина открыл дверь в кабинет, не включая свет. Полутьма не мешала ему — он знал эту комнату на ощупь. Она давно стала продолжением его самого: привычный беспорядок, бумаги с выцветшими записями, сломанные детали, сложенные в ящики, будто он когда-то действительно собирался их починить. Шагнул внутрь и замер, прислушиваясь. Всё было тихо, как всегда. Ни звуков с улицы, ни шороха. Лишь гул собственных мыслей. Он провёл пальцами по краю стола и сел в кресло, которое скрипнуло от его веса, и, не двигаясь, посмотрел в никуда. В груди ощущалась тяжесть — глухая, почти осязаемая. Не страх, нет. Скорее — нехватка. Как будто в нём была пустота, которую он не мог объяснить ни одной формулой.

«Я что-то упускаю» — мысль была мимолётной, как ток по изолированному проводу. — «Я же должен был понимать. Видеть. Предвидеть».

Он уткнулся взглядом в дальнюю полку, заваленную старыми книгами. Давними, забытыми. Когда-то они были для него теми источниками, на которых строились теории. Теперь они звали его обратно. Николас встал. Подошёл к полке,

сдёрнул с неё стопку мелких механизмов. Несколько посыпались на пол — тихо выругался. Пальцы пробежали по корешкам. «Психология нестабильных моделей», «Парадоксы памяти», «Теория нарушенной причинности»... Ниже, между толстым томом по биомеханике и старыми материалами по истории — тёмная книга без названия. Он вытащил её, открыл. Страницы были плотными, хрустели. Сплошной текст и изредка какие-то иллюстрации для лучшего описания. Но через пару абзацев его дыхание сбилось: «Предсказатели — первые дети планеты Z».

Он опустился обратно в кресло, книга на коленях. Страница дрожала в его руках.

«Сначала были звёзды — и те, кто их слышал».

Он искал дальше. Листал другие книги — чаще резко, порой медленно. Он выдвигал ящики, разбирал завалы, доставал пыльные папки. Читал заголовки, фрагменты, строчки на полях, будто собирая из них карту к разгадке. И впрямь, среди неизведанных строчек был спрятан ответ.

Предсказатели — древнейшие разумные существа и первые обитатели планеты Z. Их отличительные черты — белые с рождения волосы и чёрные, как обсидиан, глаза. Они появились в древней эре, когда на планете ещё не существовало разделения на районы и технологии были примитивны. Предсказатели жили в гармонии с природой, под звёздным небом, у водных источников, которые считались «зеркалами времён» — там, по их вере, рождались предсказания. Надо

сказать, что пятилетний ребёнок-пророчица равен по развитию десятилетнему человеку. Но эмоционально они остаются чувствительными и уязвимыми. Способности к предвидению у них врождённые, но неуправляемые до «Посвящения». В возрасте пяти лет каждый предсказатель проходит данный обряд — особую церемонию, где ребёнка признают Избранным Звезды и наделяют Силой Рода. С этого момента его способности начинают расти и стабилизироваться. Ключевое правило: предсказатель не может увидеть своё будущее. Даже если он смотрит в чужую судьбу, его личная линия будет скрыта.

Перелистывая дальше, Николас всё больше погружался в лор, с которым до селе был знаком лишь поверхностно. Подолгу уткнувшись в абзац про возраст и сознание пророчащих, профессор нервно перевёл взгляд на часы и вспомнил об одиноком ребёнке, с которым по-прежнему не складывалось доверительного диалога. Он выскочил из кабинета уже без книги и печально отметил, что малышка так и не сдвинулась с места и даже не поела. Тогда на душе заскрежетали кошки.

Он аккуратно подошёл сзади.

— Моника, послушай... — Николас направился к девочке и сел на корточки напротив неё, развернув лицом к себе. — Я понимаю, что ты уже взрослая... И в силах принять правду. Девочка посмотрела на говорящего:

— Твоих родителей убили. Поэтому они больше никогда

не вернутся. — Николасу тяжело давались эти слова. — Я наивно полагал, что смогу приручить тебя, словно бродячего котёнка, но совсем забыл, что ты особенная...

Глаза Моники наполнились слезами.

— Думалось, что смогу вынести какое-то время, ведь верил, что наша встреча не затянется надолго... Но теперь я удочерил тебя, и как опекун не должен держать в четырёх стенах, в угоду личной прихоти.

Он схватил салфетки со стола и двумя руками вытер слёзы на щеках ребёнка:

— Прости, но отпустить тебя одну — это...

— Зачем кому-то убивать моих родителей? — это ошарашило.

Со временем общество начало делиться на лагеря: так образовались Центральный, Интеграционный и Провинциальный районы. Пока Провинция и Интегралы жили в богатстве и бедности, Центр возвёл свой культ разума и провозгласил себя Властью, которая не терпит самонаблюдения. Когда Центральный район захватил контроль, он увидел в предсказателях угрозу рациональному порядку. Они считались носителями «ненаучной веры», сомнений и неопределённости. Был издан указ об истреблении предсказателей как препятствия прогрессу. Это событие вошло в историю как «Ночь Затмения» — массовая резня, после чего считалось, что предсказателей больше не существует.

— Потому что Правительству это выгодно. — прошептал

Николас. — Чтобы все верили только в одну единую правду.

— Они и меня убьют?

— Нет. — твёрдо ответил мужчина. — Я отвечаю за тебя и никому не позволю.

— Ты звучишь не очень уверенно...

— Брось. Ты всё ещё хочешь на улицу, к воде — ведь там твой дом?

— Если это так опасно, я переживу.

Внезапно Николас вскочил, словно о чём-то вспомнил. Он зашёл в комнату, где жила всё это время Моника, и спустя пару минут грохота вышел оттуда с краской.

— Что это? — шмыгнула носом девочка.

— Если они ищут предсказателей, то пожелаем им удачи. — он надевает перчатки на руки и, касаясь пальцами краски, переносит её на белоснежные волосы. — Нам ещё нужно посвятить тебя и попрощаться с твоими родными на закате. А краску мы потом отмоем.

В надежде, что маскировка сработает, профессор сам переоделся в более подходящую для авантюры одежду и, взяв Моника за руку, прошёл через телепорт.

По ту сторону их ждала всё та же Призрачная зона, без каких-либо намёков на цивилизацию. Пророчица крепко сжала руку опекуна и оглянулась по сторонам.

— Куда мы идём?

Тусклое солнце пробивалось сквозь плотные облака, от-

брасывая бледные тени на выжженную землю. Порывистый ветер рвал край плаща Николаса, вцеплялся в его волосы и гудел в ушах. Перед ними росло здание — мрачное, высокое, стены были будто вырублены из пепельного камня, и ни одно из окон не выглядело живым — только мутный свет, как от потухающего фонаря, мерцал в глубине. Воздух пропитывал едкий запах дыма, исходящий из уродливой трубы, нависшей над крышей как крюк. Завернув за угол, крепко держа малышку, они вышли к обветшалому входу внутрь здания.

Серый бетонный фасад почти сливался с небом, окна на верхнем этаже были плотно закрыты, но внутри явно кто-то был. Здесь — в бывшем научном комплексе — жила его старая знакомая. Когда-то они пересекались в Лаборатории при Правительстве — она работала вместе с ним и Уолтером. Потом исчезла. Николас слышал только, что она уволилась после «инцидента с тестированием» и больше нигде не появлялась. Надо отметить, что он сам был несколько виноват в случившемся, но не подавал виду, будто мучает совесть. Но недавно в старых системах им была найдена старая административная запись: адрес доставки, имя, подтверждение — Зои Лоренцо.

Николас не знал, откроет ли она. Но ему точно было известно, что она находилась здесь давно и должна располагать знаниями о подпольных путях, которыми мужчина планировал воспользоваться в данной ситуации. Дверь открылась не сразу.

— Кто-нибудь живой? — он шагнул внутрь.

Комната — стерильная, почти пугающе аккуратная. Все поверхности пусты, только несколько книг на полке и один старый голографический проектор. Воздух пах чем-то кислым — может быть, старым железом, может, препаратами. Чувствовалось больше отсутствия, чем жизни. Резкий рывок — и из темноты Хольма хватает чья-то рука. Моника, до этого тихо стоявшая на пороге, вскрикивает и прячется. Мужчина перехватывает руку и отбрасывает нападающего в освещённый угол. Силуэт выпрямился — то была девушка. Тёмные круги под глазами, русые волосы собраны неловко, а взгляд — расфокусирован. Она смотрела на него с едва уловимым узнаванием, будто помнила не человека, а лишь образ, проскользнувший через туман. Спустя пару секунд началась перепалка.

— Ты напала на меня! — дрожащим голосом, запинаясь, протараторил Николас.

— Вы вломились ко мне домой. — твёрдо произнесла Зеленоглазая.

— Дверь не открывали. — оправдывался мужчина. — Почему здесь так темно?

Молодая особа словно смотрела сквозь него и вдруг резко развернулась.

— Я звоню Правительству.

— Нет! — резко вспыхнул он. — Зои...

Лоренцо остановилась:

— Откуда Вам известно имя моё?

— Не помнишь..? — потерянно произнёс Хольм.

Сердце резко сжалось и упало вниз, покотившись будто шар для боулинга. Он должен был не вмешиваться в её работу тогда, на предстоящем показе, когда они вдвоём ещё работали с Геннадием. Но ревность и страх не дали ему сидеть в стороне, и во время испытания машины Николас случайно задел рычаг на пульте управления, что привело к катастрофе, а стало быть... Из-за него... Он думал, Зои не сильно пострадала после инцидента, хотя Уолтер тогда лихо его отчитал. Но в голову не приходило, что это настолько могло затронуть её память.

— Я... Мы вместе работали. — молчание. — Моё имя — Николас Хольм.

Лицо Зои, до этого спокойное, резко перекосилось.

— В ЛпП?.. Ты был из тех, кто пытался выжить меня из членства.

— Наверное... мне казалось, я был единственным... Нас было трое.

Эти слова будто разбили тонкое стекло внутри неё. Лицо дёрнулось, глаза расширились, и на секунду её взгляд словно потерял точку опоры. Она шагнула назад от силы воспоминания, которое вспыхнуло, как разряд тока. Пыль. Запах горячего металла. Голоса. Зои, в том же белом халате, что был на ней сейчас, — держит планшет, в котором пульсирует импульсный граф. Взгляд устремлён вперёд на силуэт мужчи-

ны намного старше её, в очках. Комната озаряется красным цветом. Она поворачивает голову. Николас стоит у пульта. Рука на рычаге. Слишком рано. Следующее — свет. Ослепительный, белый, а потом... Тишина. И только собственное дыхание, заглушаемое звоном в ушах.

Мир возвращается к ней рывками — боль в затылке, голос третьего, сжавшего её плечи: «Зои? Ты слышишь меня? Мы спишем это на системную ошибку». Пальцы Зои в настоящем сжались в кулаки. Взгляд её затуманился, и она тихо выдохнула — почти неосознанно. Словно выталкивала что-то застывшее внутри.

— Установочный модуль... — прошептала, не замечая, что говорит вслух. — В системе хранения... Он был нестабилен. Ты... Не должен был...

Она вдруг схватилась за виски. Боль, как будто иглы, прошивала голову. Память стремительно возвращалась: кусками, без логики, но живыми. Карта лаборатории. Крики персонала. Запах горелой изоляции. Мгновение — и она помнила, как её тянули из зала. Мир качнулся. Николас бросился вперёд, но она выставила руку, чтобы остановить его. Она посмотрела на него — уже не с холодным недоверием, а с раздирающей изнутри смесью осознания, горечи и чего-то давно затерянного, почти детского — боли предательства.

— Это ты, — прошептала она. — Это был ты.

Моника, стоявшая в углу, невольно замерла. Казалось, сама тишина в комнате сжалась в тонкую нить, готовую обо-

рваться от любого движения. Николас не ответил. Он уже знал. Ему не нужно было оправдание. Теперь и она знала — не только кто он, но и кто она была, до того, как стали вычёркивать её из собственной памяти.

— Я не хотел... Просто послушай. Я не собирался нажимать на рычаг.

— Но нажал. — Лоренцо держала руку рядом с кнопкой. Одно нажатие отделяло от связи с Правительством.

— Нужна твоя помощь.

— Тебе — никогда.

— Не мне. — перебил профессор.

Он подозвал к себе малютку-предсказательницу, и та встала рядом с ним, переводя глаза то на него, то на девушку рядом.

— Я знаю, ты хороший человек и не станешь докладывать властям о том, что в твоём убежище находится ребёнок предсказателей. — Зои вздрогнула, чуть убрав руку от пульта. — Мне пришлось удочерить её, не без помощи, однако... Выяснилось, у неё сегодня посвящение... Нам нужно пробраться к берегу, туда, где нашли её народ пару недель назад, но чтобы Правительство об этом не узнало.

— Почему тебе доверили ребёнка?

Хольм покачал головой:

— Что ты хочешь услышать? Что я раскаиваюсь и прошу прощения за твоё увольнение?

— Разве? За то, что жизнь мне сломал...

Губы профессора дрогнули:

— Прости... Я правда не хотел... Это вышло случайно.

— Верится с трудом.

— Мне действительно стоило остаться в другом цехе. Но ты была новенькой, я подумал, что мой лучший друг теперь будет твоим, а он МОЙ, понимаешь? — он тяжело дышал.

— Во мне разыгралась ревность, да, но в мои планы не входило намеренное причинение вреда и покушение на твою жизнь...

Слеза покатилась по щеке мужчины.

— Я не прошу помогать мне... Пожалуйста, сделай это для неё. — он подтолкнул к ней последнюю из рода предсказателей.

Зои молчала. Но в какой-то момент в её глазах дрогнул свет. Пальцы дёрнулись. Она прошептала:

— Он тебя удочерил?

Моника кивнула. Зеленоглазая закатила глаза и упрямо уставилась на вперёдистоящего:

— Говори...

Он жестом пригласил её присесть. Та не двинулась с места, но взгляд её задержался на белых волосах Моника. На пару секунд в ней мелькнула эмоция — что-то между удивлением и болью. И исчезло.

Николас начал с простого — сначала рассказал про суть проблемы, потом с чего всё началось, а после пояснил о тонкостях и проблемах, с которыми не хотелось бы столкнуться.

Про собственные переживания он в очередной раз промолчал.

— Я знаю, ты одна из немногих, кто может помочь. — его голос звучал хрипло, будто выжат из последнего.

Разворот. Зои прошла мимо Николаса вглубь комнаты. Остановилась у гладкой панели в полу, почти незаметной. Несколько движений пальцами — и скрытая панель слегка приподнялась с глухим щелчком. Под ней — углубление и пульт, покрытый пылью.

— Когда-то, немного погодя после моей реабилитации... — произнесла она, хмуро глянув на Хольма. — Я обнаружила этот проход. Он ведёт под землю через старую дренажную систему. Ходов так много, что можно запутаться и свернуть не в то направление, поэтому запоминай обязательно. В конце, за металлической дверью, начнётся лесная зона. Там уже нет камер. А дальше двигайся только по правому пути и лишь на последнем, очевидно, самом крутом повороте — иди налево. И вы выйдете к берегу.

Она не глядела на них, просто стояла с опущенными руками.

— Я не собиралась открывать его снова. Но, видимо, этому миру всё ещё нужны старые трещины, чтобы через них кто-то мог спастись.

Николас кивнул, почти не дыша. Он знал, что это решение для неё — больше, чем просто жест. Это доверие, данное человеку, которого она когда-то почти стёрла из памяти. Мо-

ника медленно подошла ближе, и на мгновение их взгляды с Зои пересеклись. В этот момент в Лоренцо что-то дрогнуло.

Подземные тоннели простирались вдоль всей Призрачной зоны и доходили аж до самого Центра. Раньше ими пользовались, но со временем район обнищал и вовсе был заброшен Правительством. Чёрные ходы закрыли, а их чертежи навсегда скрыли от народного пользования в базе данных. Так, Николас заметил просвет впереди и зажмурил глаза от резкого контакта с солнечными лучами. Хватка Моника ослабла, и она радостная побежала к воде. После нескольких попыток моргнуть мужчина огляделся. Вокруг тишина. Гладкая поверхность водоёма мерцала — неясно, было ли это озеро, море или океан, воды не волновались. Мелкий песок у берега: чистый, в некоторых местах утрамбован ветром. Цветы — низкие, пушистые, сиреневые и молочно-белые — прорастали островками между травой, которая мягко шелестела от лёгкого ветерка. Она была чуть влажной от росы, но уже начинала сохнуть, отпуская неуловимый запах свежести. Поодаль густо рос лес; его верхушки тонули в лёгкой дымке. Деревья стояли как стражи, безмолвно наблюдающие за берегом. А ещё дальше — за деревьями, через редкие просветы между стволами в небе, торчали силуэты — башни. Гладкие, стеклянные, неестественно ровные. Это был Центр.

Пророчица уже вовсю игралась в воде, когда Николас по-

дошёл ближе.

— Только не ныряй в воду с головой. Краска нам ещё пригодится. — огляделся он.

Затем снял плащ, засучив рукав, включил браслет, открывая общему взору голографию.

— Что ты смотришь?

— Хочу провести обряд «Посвящения». — девочка на мгновение замолчала, а затем подбежала, пытаясь посмотреть, что читает профессор.

Снова пробегает глазами между строк. Необъяснимая дрожь пробегает по спине, но он прячет её, выпрямляется. Моника стоит неподалёку, молча глядя на воду. Николас на мгновение забывает дышать: она — последняя. Последняя из тех, кого хотели стереть из истории. И всё, что у неё есть — он. Профессор зажигает чашу, камни, собранные в круг, почти не светятся. Пламя вспыхивает неуверенно — не знает, правильно ли всё делает, но действует осторожно, шаг за шагом, как указано в рукописи. Наречённая делает шаг в ответ на протянутую ладонь, что указывает на огонь. Девочка тянется, касаясь пламени. Оно колышется, но не обжигает. Её зрачки расширяются, и она отдёргивает руку. Николас сглатывает. Подходит и осторожно касается её лба. Ветер поднимается, перебирая белоснежные локоны, измазанные синей краской, и затихает на закате. На мгновение мужчине показалось, будто разбросанные по небу звёзды в моменте сверкнули голубым пламенем в знак благословения.

— Папа с мамой говорят тебе спасибо... — шёпотом сказала пророчица.

Взгляд его устремился на звёзды, и впервые за последнее время в душе наступил покой и почувствовалась доля облегчения.

— Теперь идём, нам нужно выбраться к цивилизации.

Чем дальше они проходили, тем более оживлённым казалось место. И вот песок под ногами сменился на асфальт, и впереди показались люди. Моника умоляюще посмотрела в сторону своего опекуна.

— Веди себя естественно. Без глупостей. Будто ты обычный ребёнок... — процедил последний.

Следуя за обществом, дорога привела к парку памяти — зелёной зоне в центре города, а также важному культурному пространству, наполненному символами прошлого и связями между людьми. Он был построен после первой технологической революции как напоминание о цене прогресса — в частности, о тех, кто погиб в результате первых конфликтов между районами. Самое комфортное место в Центральном районе — здесь, в зоне воспоминаний, воздвигалась стена из небольших стеклянных капсул, куда посетители загружали свои послания в будущее, чтобы через пять или десять лет вскрыть их и прочесть, напоминая о том, кем были раньше. В другой стороне — аллея с интерактивными табличками, рассказывающими о судьбах конкретных личностей, чьи действия повлияли на ход истории. По всей территории рас-

положены высокие фонтаны, не просто выпускающие воду, но и отражающие голографические образы — силуэты солдат и учёных, погибших в разные эпохи. Они появляются на несколько секунд и исчезают. Однако главным символом парка является огромное, раскидистое древо, к ветвям которого привязывают цветные ленты с инициалами, чтобы запечатлеть связь на века. Туда вёл Николас малышку.

Они встали в нескольких метрах от него, и мужчина крепко держал ребёнка за руку.

— Знаешь, что я думаю? — улыбнулась девочка.

Николас задумался.

— Не зря я наткнулась на тебя. Ты хороший. Весь мой род был бы несказанно благодарен за сделанное.

— И что же я совершил? — он настороженно огляделся и улыбнулся.

— Всего лишь спас одного из предсказателей. Небеса такого не забудут.

— Зачем ты говоришь это здесь и сейчас?

— Ты сказал, что это место помнит о тех, кого уже давно нет с нами. Пусть услышит и о моих...

Наконец разглядев что-то знакомое среди ветвей деревьев, взгляд мужчины потускнел. Он опечаленно посмотрел на Монику и, получив крепкие объятия в качестве ответа, кивнул то ли самому себе, то ли небу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.